

27-й день Элейнта, 1367 DR.

Уважаемому ученому, Атолу из Свечнокрепости, шлет привет Данило Танн, его бывший и недостойный ученик.

Мой старый друг, я с огромным удовлетворением беру в руки перо и пергамент, чтобы начать дело, которое хоть в малой степени сможет оправдать ту заботу и усилия, которые вы когда-то приложили к моему образованию. Я благодарю вас за это, а также за ваше предложение помощи в моем новом начинании.

Я хочу собрать некоторые из историй, рассказанных мудрецами и бардами, воинами и правителями, и превратить их в нечто похожее на историю эльфийского острова Эвермит. Без вашей помощи и знакомства я не осмелился бы приблизиться к могущественным, знаменитым и хорошо вооруженным. Те, кто меня не знает, наверняка не решатся участвовать в столь амбициозном начинании. Что же касается тех, кто меня знает... что ж, достаточно сказать, что ущерб нанесен. Возможно, мантии вашей прекрасной репутации позволят мне обрести доверие там, где оно не было посеяно.

Что, спросите вы, заставило меня взяться за столь сложную задачу, как эта история Эвермита? У меня есть три причины.

Я считаю, что уроки, которые преподает эльфийская история, еще не усвоены. Хотя чудесный остров Эвермит кажется нерушимым, но так ли уж сильно он отличается от Иллефарна, Келтормира или Кормантира? Когда-то эти великие центры эльфийской культуры казались вечными, теперь же о них остались лишь легенды. Чего же нам ждать от Эвермита и эльфов, сделавших остров своим домом и надеждой? Я молюсь, чтобы в моих взглядах было больше пессимизма, чем пророчества; тем не менее, перемены происходят, и часто тогда, когда мы меньше всего к ним готовы. За свою короткую карьеру барда я заметил, что факты обычно служат лишь для того, чтобы затемнить истину. Истина, если ее вообще можно найти, скорее всего, будет услышана, будучи представленной в рассказах и песнях.

Вы также знаете о моем давнем увлечении всем эльфийским. Возможно, вы помните, что вам удавалось ненадолго отвлечься от моих прискорбных магических шалостей, когда ваши уроки были посвящены народу фей. Вскоре после того, как вы покинули пост моего наставника, выразив желание вернуть себе душевный покой и отрастить брови и бороду - за что я приношу свои искренние извинения (клянусь, эти чернила должны были светиться в темноте, а не взрываться при свете свечи!) Я взялся за изучение эльфийского языка. За прошедшие годы я достиг такого уровня владения языком, который позволит мне читать любые истории, учебники и письма, которые вы сможете мне прислать. Будьте уверены, я буду обращаться с ними гораздо бережнее, чем с учебниками леди Кассандры - моей матери, и верну их в Свечнокрепость без пошлых придилок и мелких угольных набросков, которыми были заполнены поля тех книг - за исключением, конечно, тех, что касались эльфийских легенд и преданий. Но даже тогда я признавал и уважал уникальную магию таких историй.

Моя последняя причина - самая глубоко личная. По благословению богов (каких именно богов, еще предстоит выяснить) я скоро женюсь на эльфийке королевской крови и смешанной расы. Ее самое большое горе, а значит, и мое, заключается в том, что ей было отказано в ее эльфийском наследии. И хотя эта история не может вернуть ей ее право первородства, это единственный дар, который я в силах сделать. Моей леди мало что нужно из того, что может купить мое богатство. То, что она ценит, не найти на базарах Уотердипа, и, увы, не найти в других местах: честь, храбрость, традиции. Выполняя эту работу, я постоянно держу перед собой образ этой истинной дочери Эвермита, которую я очень люблю за ее эльфийские манеры

- и несмотря на них.

Вы думаете, это противоречие? Я тоже, пока не познакомилась с Эрилин. Моя леди способна вызывать восхищение и раздражение в равной степени. Я подозреваю, что история ее предков может соответствовать этой модели. Однако я буду следовать за историей эльфов Эвермита, куда бы она ни привела, настолько верно, насколько это в моих силах. В этом я клянусь Вам Тайной, которой дорожу больше всего, - что самая прекрасная и храбрая из этих чудесных, неистощимых существ может полюбить такого человека, как я.

Я почтительно остаюсь с вами на службе правды, истории и песни.

Данило Танн

Прелюдия: Край Сумрака

(1371 DR)

Высоко над водами Бездорожного моря кружил, парил и танцевал в хрустящем воздухе серебряный дракон. Сколько веков прожила эта драконица, но никогда еще не находила она удовольствия, которое могло бы сравниться с радостью полета - порывом ветра и восхитительным покалыванием ледяных кристаллов о ее чешую.

Пролетая над узкой прорехой в облачном покрове, она заметила, что не только она летает в этот чудесный осенний день. Далеко внизу над волнами пронеслась стая белокрылых морских птиц.

Морские птицы?

Драконица удивленно остановилась. На много-много миль не было суши - как могла стая такого размера держаться так далеко в море? Любопытствуя, она сложила крылья и нырнула. Она полетела вниз, погружаясь в туман и сырость облаков. По привычке драконица расправила крылья перед самым прорывом сквозь облака, вынырнула из пикирования и закружилась в тумане, чтобы замедлить движение. Прятаться среди облаков было, скорее всего, излишней предосторожностью, ведь даже самая зоркая морская птица увидела бы дракона, если бы вообще увидела ее, всего лишь как серебристое пятнышко. Но драконица была Хранительницей; ее задача - видеть и не быть замеченной.

Драконица посмотрела вниз на странную стаю. На этой высоте она разглядела, что это вовсе не птицы, а корабли. Огромный флот кораблей, плывущих на запад, к Эвермиту.

"Я могла бы напасть", - с тоской прошептала драконица, но знала, что не сможет. Во-первых, кораблей было слишком много, а ее долг в таких делах был ясен. Она повернула на запад, и ее сверкающие крылья затрепетали, когда она снова поднялась в холодный, сухой воздух над облаками. Там она могла лететь быстрее.

И она должна была лететь, со всей скоростью, которую давала ей магия драконьего полета. Дракон был хранителем Эвермита почти столько же лет, сколько королева Амларуил была его правительницей. За время своего многовекового бдения дракон повидал сотни кораблей, пытавшихся пройти к Эвермиту. Большинство из них сгнили на дне океана. Но эта стая, этот флот, представлял собой разрушительную силу вторжения. Дракон не мог найти другого объяснения такому количеству кораблей - даже во времена эльфийского отступления не собиралось столько кораблей одновременно. Если хотя бы десятая часть из них сумеет прорваться через защитные сооружения острова, они смогут нанести значительный урон

защитникам Эвермита.

Дракона мчалась к эльфийскому острову, ее разум отчаянно тянулся через многие мили, пытаясь найти разум своего эльфийского партнера, чтобы предупредить того о приближении опасности.

Тишина. Мрак.

На мгновение возникло недоверие - ведь Шонассир Дуротиль был грозным воином, одним из лучших Всадников Ветра во всем Эвермите. Дракон много раз связывался с ним, даже с такого далекого расстояния. Если эльф не отвечал, значит, не мог ответить. Шонассир был мертв, в этом дракон была уверена до ужаса. Ей не хотелось размышлять о тяжести битвы, о том, какой враг мог загнать такого воина, как Шонассир Дуротиль, в Арвандор раньше положенного срока.

Драконница пробормотала слова заклинания, которое должно было ускорить ее полет к эльфийской родине. Через несколько мгновений облачная масса под ней пронеслась белым пятном. Но как бы ни была она быстра, у дракона были основания опасаться, что она уже опоздала.

Когда Шонассир Дуротиль погиб, он находился на территории Эвермита.

□ □ □ □ □

Высоко над палубой "Праведного места", не обращая внимания на проносящегося над головой дракона, молодой моряк прижался к поручню вороньего гнезда и вглядывался в бесконечные волны.

Каймид Безбородый - так называли его товарищи, потому что его лицо действительно было гладким, как только что снесенное яйцо. Но как бы молод он ни был, это было его третье плавание, и он гордился своим местом на этом судне, флагмане могущественных сил вторжения. А еще лучше, что в качестве вахтенного Каймид может первым увидеть легендарные оборонительные сооружения Эвермита.

От этой мысли по позвоночнику молодого моряка пробежала дрожь возбуждения. Он не думал о страхе, ибо как они могли потерпеть неудачу? Каймид знал секрет, удивительный и опасный секрет, который, по его мнению, предвещал победу. Это приключение должно было увенчаться славной победой, и тогда он получит свою долю сокровищ и эльфийских девиц. Сражения, которые предстояли, только разожгут его аппетит к тому и другому.

"Скоро", - нетерпеливо пробормотал Каймид, вспоминая легенды, рассказываемые в таверне. По словам моряков, переживших такое плавание - то есть тех, кто повернул назад, - эльфийская защита начиналась буквально через две недели плавания к западу от Нимбрала. Времени было в обрез. (на самом деле северо-северо-запад от Нимбрала)

Каймид внимательно осматривал море, его глаза улавливали каждую деталь: длинную, мерцающую тень, которую мачта корабля отбрасывала на волны позади них; прыжки и всплески пары дельфинов во время игры; матроса, спящего на палубе внизу, его лысая голова покоилась на мотке веревки. Каймид увидит все и ничего не упустит.

Словно в насмешку над его гордыми мыслями, в поле зрения появился остров, возникший так внезапно, словно его вытащили из мешка волшебника. За ним показался второй остров, потом еще один - там был целый архипелаг! А между островами из моря торчали зазубренные скалы,

словно надгробные камни для тысячи неосторожных кораблей.

"Опасность! Опасность, прямо по курсу!" крикнул Каймид пронзительным от внезапного страха голосом. "Земля, скалистые отмели!"

На палубе внизу капитан помахал рукой в знак признательности и отстегнул от пояса подзорную трубу, хотя больше из соображений протокола, чем из веры в энтузиазм молодого Каймида. Капитан Близис был сыном моряка и внуком пирата. Море пело в его крови; оно было его домом почти все его сорок с лишним лет. Он умел читать узоры по звездам и ветрам не хуже любого живого человека. Нет, по его расчетам, Праведное место находилось далеко в море и в нескольких днях пути от любого берега. На это он готов поставить свою долю эльфийских сокровищ.

Близис поднял бокал. Он отшатнулся, моргнул, затем пристально взгляделся в открывшееся изображение. Конечно, впереди была земля, барьер еще более опасный, чем предупреждал молодой Каймид. Косые лучи полуденного солнца освещали острова: Песчаные участки были цвета бледных роз, скалы - смертоносный сад закатных красных и оранжевых цветов.

"Коралловый риф так далеко на севере?" недоверчиво пробормотал Близис. Повернувшись на пятках, он приказал своей команде повернуть на север.

"Отмените эти приказы".

Слова были произнесены тихо, но какая-то фейская магия донесла их до каждого уголка корабля. Матросы замешкались на своих рабочих местах, разрываясь между опасностью впереди, которая теперь была видна всем, и благоговением перед говорящим.

Из трюма вышла стройная фигура, закутанная в плащ от холодного ветра и морских брызг. "Плывите дальше", - спокойно сказал он, обращаясь к рулевому, застывшему у штурвала. "Нет необходимости менять наш курс".

"Нет необходимости?" недоверчиво повторил Близис. "Этот коралл может пронзить корабль быстрее, чем дварфийские топоры режут сыр!"

"Вы сами указали на маловероятность существования такого кораллового рифа в этих холодных водах", - ответила фигура в плаще. "Это всего лишь иллюзия".

Капитан поднял свою подзорную трубу, чтобы еще раз взглянуть на грозный барьер. "Выглядит достаточно прочно. Ты уверен, что это действительно так?"

"Абсолютно уверен. Мы плывем дальше. Пусть боцман передаст сообщение на другие корабли".

Капитан Близис замялся, затем пожал плечами и сделал то, что ему сказали. При этом он рисковал всем, что имел - своим положением, своей долей добычи, самой жизнью, - но он подозревал, что у его властного пассажира на кону было столько же и даже больше.

Хотя Близис был капитаном судна, он был не более чем наемным работником. Корабль, которым он командовал, принадлежал эльфу - собственно, насколько Близис мог судить, все корабли флота принадлежали ему.

Эльфу. Близиса все еще удивляло, что эльф мог возглавить силы вторжения против своих сородичей. Хотя, если подумать, люди были достаточно проворны, чтобы сражаться между собой. Его не должно было удивлять, что эльфы не сильно отличаются от них, но все же

удивило. На этом корабле было несколько эльфов, да и на других тоже. Насколько Близис мог судить, все они были твердо намерены свергнуть правящую королеву и самим захватить остров. Это вполне устраивало Близиса, поскольку эти эльфы были готовы разделить со своими союзниками-людьми военные трофеи и славу завоевания.

Конечно, при условии, что кто-то из них переживет путешествие.

Капитан прошел на нос и молча наблюдал, как корабль приближается к коралловому рифу. Некоторые члены экипажа, доверившись свидетельствам собственных глаз, а не заверениям таинственного эльфийского лорда, перепрыгнули через поручни, чтобы рискнуть и выплыть на берег.

"Оставьте их", - приказал эльф. "Они скоро поймут свою глупость, а другие корабли подберут их, когда будут проходить мимо".

Блетис рассеянно кивнул, его взгляд был прикован к стремительно приближающимся скалам. Инстинктивно он напрягся, ожидая первого толчка от соприкосновения с невидимым коралловым шельфом, но его не последовало. Едва дыша, он напряженно следил за тем, как рулевой направляет корабль по извилистому курсу между скалами цвета крови, не задевая ни одной. Не касаясь ничего. Это был подвиг мореплавания, в возможность которого Близис не поверил бы, если бы не стал его свидетелем.

Но и усилия были потрачены впустую. Через несколько мгновений первый из островов лежал прямо перед ними - безнадежно скалистый берег, над которым нависала густая листва. Они были достаточно близко, чтобы почувствовать густой запах суглинистой почвы и глубокий, сложный аромат растущих растений. Мимо беззвучно пролетело крупное насекомое. Близис инстинктивно прихлопнул его и промахнулся.

Внезапно напряженную тишину пронзило странное, волнообразное гудение, которое ледяными волнами накатывало на них из густого леса. Ему быстро вторили другие существа - крупные, судя по звуку, - чей трубный рев был наполнен голодным предвкушением.

Близис вздрогнул. Он уже слышал подобные крики, давно, когда его корабль проплывал слишком близко к берегам джунглей Чалта. Если эльф ошибся, если корабль сел на мель у этого жестокого побережья, все они были мертвее однодневной макрели.

К удивлению и облегчению капитана, корабль прошел через бухту и скалы, вливаясь в "лес" за ними так же легко, как сквозь туман. Цвета коралловых образований и пышной зеленой листвы играли над кораблем и ошеломленными моряками, пока они скользили сквозь иллюзию.

Близис поднял одну руку и стал рассматривать меняющиеся узоры на ней. Ему вспомнился давний момент, когда в детстве он стоял у основания радуги и смотрел, как цвета переливаются на его босых ногах. Этот барьерный риф, при всем его грозном виде, был не более существенным, чем та радуга.

"Вот тебе и защита Эвермита", - пробормотал он.

Единственным ответом эльфа была тонкая улыбка.

"Буря впереди!" - пропел молодой дозорный. "Идет сюда, и идет быстро!"

На этот раз Близису не пришлось поднимать подзорную трубу. Буря неслась к ним с необычайной скоростью. Через несколько мгновений после того, как Каймид объявил тревогу,

сердитые багровые тучи заполнили небо и метнули молнии во внезапно ставшие пугливыми волны.

Из облаков спустился вихревой конус. За ним последовали другие, пока несколько из них не опустились на море. Вода бешено забурлила, когда голодные облака набросились на волны, а воронки быстро становились все темнее и мощнее от силы клубящихся внутри вод. словно стоя охотящихся волков, водяные струи стали кружить вокруг флота.

"Скажи мне, что это очередная иллюзия, эльф", - умолял Близис.

"Буря вполне реальна", - сказал эльф, плотнее натягивая складки плаща. "Плыви дальше".

Корабельный помощник, грузный пират, чье лицо приобрело бледный зеленоватый оттенок, что не соответствовало его калишитскому происхождению, бросился к капитану и схватил его за руку. "С нас хватит, Близис. С нас всех. Отдай приказ повернуть!"

В глазах пирата Близис прочел несомненный мятеж. "Помни о сокровищах!" - увещевал он. Приятель, как он знал, играл в карты, кости, игорных петухов и боги знают, во что еще. Везение его во всех этих делах было чудовищно плохим; он задолжал огромные суммы людям, которые не жалели средств, чтобы взыскать с них долги. Это плавание, знал Близис, было для него не чем иным, как последним шансом на выживание.

"От сокровищ мало пользы мертвецу", - резко ответил помощник, и его слова были не только признанием собственного затруднительного положения, но и смертельной угрозой. Он отпустил руку капитана, достал из пояса изогнутый нож и высоко поднял его.

Когда лезвие вонзилось в горло капитана, эльф произнес странный слог и сделал мерцающий жест одной золотой рукой. Мгновенно нож засветился от кончика до рукояти яростным красным жаром. Матрос отпрянул назад, его оружие не попало в цель. Затем, застонав от боли, он выронил зачарованное оружие и разжал обожженные пальцы.

Близис ударил кулаком в лицо вероломного матроса и был вознагражден удовлетворительным хрустом кости. Он ударил его снова, на этот раз ниже, с размашистым восходящим ударом, который вогнал сломанные кости носа матроса глубоко в череп.

Мгновенно мертвый, человек упал на палубу. У Близиса возникло искушение пнуть его еще пару раз для верности, но корабль начал крениться, и он не был уверен, что сможет сделать это, не упав на спину.

"Шторм не причинит нам вреда", - сказал эльф так спокойно, словно мятежного противостояния и не было. "Это рука богини, проявление Эридри Фаинья, Повелительницы Воздуха и Ветра. Эльфийские корабли могут проходить через него невредимыми".

Словно опровергая эти заверения, молния пронзила небо, и грохот обрушился на рев собирающихся ветров. Близис поднял свой бокал и увидел, как мачта далекого корабля раскололась и упала. Промасленные паруса, сброшенные при первых признаках приближающейся бури, уже тлели. Через несколько мгновений корабль превратился бы в факел. Близис бросил пытливый взгляд на хозяина корабля.

Эльф небрежно пожал плечами. "Корабли, созданные людьми, были полезны, чтобы доставить нас так далеко - даже самые прожорливые пираты Нимбрала не стали бы нападать на флот такого размера. Некоторые из людей пошли на корм голодным морским тварям; некоторые корабли были отданы в качестве платы Амберли. Но мы близки к цели; пришло время

сократить флот. Большинство человеческих кораблей будет уничтожено задолго до того, как мы достигнем Эвермита".

Близис вцепился в поручни, пытаясь осознать это бессердечное заявление и тот факт, что огромный флот будет сокращен почти наполовину. "Но почти три десятка эльфийских кораблей останутся", - упорствовал капитан, повышая голос, чтобы его было слышно из-за бушующего шторма. "Это сила вторжения! Независимо от того, эльфийские это корабли или нет, эльфы Эвермита догадаются о ваших намерениях. Внезапно наши шансы выглядят примерно в два раза хуже, нежели при моем согласии!"

Странно холодная улыбка эльфа вернулась. "Вы хитрее, чем кажется, капитан Близис. Но не беспокойтесь. Не все корабли приходят в один порт; "Праведное место" будет одним из трех кораблей, причаливающих к Лейтильспару. И уверяю вас, королева Амларуил примет нас".

"Этот дурак был не так уж и неправ", - горячо сказал Близис, толкнув сапогом упавшего первого помощника. "И он будет не последним, кто возьмет в руки оружие, чтобы положить конец этому путешествию. Если у тебя есть хорошие новости, сейчас самое время говорить".

"Тогда слушай, чтобы ты мог успокоить страхи своей команды и полностью настроиться на выполнение предстоящей задачи", - согласился эльф. "Один из эльфов на борту этого корабля - Ламруил, младший сын королевы Амларуил и покойного короля Заора. Единственный выживший королевский отпрыск, если все прошло так, как планировали наши союзники, и, следовательно, единственный наследник трона Эвермита". Эльф сделал паузу, и на его золотистом лице мелькнула гримаса отвращения. "Хотя сам принц Ламруил не особенно впечатляет, его присутствие на этом корабле дает нам огромную власть".

"И поэтому, - заключил эльф с мрачным удовлетворением, - у королевы нет иного выбора, кроме как принять нас. Будущее Эвермита, так или иначе, находится в руках ее никчемного отродья".

□ □ □ □ □

"Ваши советники собрались в тронном зале, Ваше Величество".

Королева Амларуил кивнула, не отрывая взгляда от неподвижного лица своей первородной дочери. "Я подойду прямо сейчас", - сказала она голосом, в котором не было ни намека на усталость или печаль.

Придворный отвесил глубокий поклон и оставил королеву наедине с поникшей принцессой.

Илайрана - так назвала Амларуил свою дочь много лет назад; это имя произошло от высокоэльфийского слова, означающего "опал редкой красоты". Илайрана была так прекрасна в младенчестве, так похожа на драгоценный камень, в честь которого ее назвали: молочно-белые волосы, оттененные бледной зеленью, светящаяся кожа, такая белая, что на ней проступали голубые оттенки, и большие глубокие глаза, которые могли меняться в зависимости от освещения и настроения от цвета весенней листвы до глубокой синевы летнего моря. Амларуил с тоской отметила, что Илайрана по-прежнему прекрасна, даже в предсмертной дреме, которая овладела ею после битвы, состоявшейся две ночи назад.

Как и большинство священнослужителей Селдарина, Илайрана отправилась на битву против страшного существа, выпущенного на эльфийский остров злым богом Мэларом, Повелителем зверей. К концу битвы многие жрецы и жрицы пали: Илайраны просто не стало, хотя ее тело осталось. Амларуил не удивилась этому, ведь в ее старшем ребенке всегда было что-то

потустороннее. Зная о полной преданности Илайраны Ангarrасу, богине, которой она служила, Амларуил подозревала, что ее дочь проследила за битвой до ее конечного источника и даже сейчас твердо стоит на стороне Ангarrаса. Если это так, то богине действительно хорошо служили.

А если так, то Илайрана вряд ли вернется. Немногие эльфы, увидевшие чудеса Арвандора, даже в таких тяжелых обстоятельствах, смогли бы примириться со смертным миром.

Амларуил прошептала молитву и прощание, а затем поднялась от постели дочери. Весь Эвермит ждал ее. На ее личные трагедии оставалось мало времени.

Королева быстрым шагом направилась в тронный зал. Там ее ждало большое собрание: оставшиеся в живых члены Совета Матрон, представители всех знатных кланов, лидеры эльфийских воинов, даже несколько других фей, которые сделали Эвермит своим домом и сражались вместе с эльфами. Как один, они преклонили колени в присутствии эльфийской королевы.

По своему обыкновению, Амларуил глубоко поклонилась народу, которому служила, а затем велела всем подняться, чтобы заняться текущими делами. Она села на трон и призвала Керита Черношлема, лунно-эльфийского воина, командовавшего обороной острова, представить свой доклад.

Но в этот день Кериту не суждено было говорить.

Взрыв был внезапным, тихим и совершенно разрушительным. Не было ни грохота, ни вибрации, заставившей хрустальные башни города вздрогнуть в знак сочувствия, ни даже дрожи, сотрясающей мозаичный пол из драгоценных камней под их ногами. И все же не было ни одного эльфа в той палате - ни одного эльфа во всем Эвермите, - который бы не почувствовал этого или не понял, что это значит.

Круги были разрушены. Уникальная магия Эвермита исчезла.

Почти пять дней длилась битва за эльфийскую родину. Армии чудовищ появлялись из моря и спускались с небес, человеческие волшебники неописуемой силы бросали вызов Плетению эльфийской магии, корабли с конными воинами обрушивались на остров со всех сторон. Хуже того, существа из Нижнего мира нашли путь на остров, запятнали гавань, которой был Эвермит, и убили многих лучших защитников острова. Хотя осажденные Люди были невыразимо измождены, они не пали духом.

Но этот удар, несомненно, был выше их сил.

Двигаясь как во сне, королева Амларуил поднялась со своего трона и подошла к открытому окну. Перед ней расстилалась странная картина: На кишащих улицах Лейтильспара, которые несколько минут назад были оживлены эльфийскими воинами, митингующими в ответ на очередную угрозу с побережья, царила полная тишина. Эльфы стояли неподвижно, застыв в пароксизме страдания.

Амларуил подняла глаза к северу. Далеко-далеко, в самых глубоких и древних лесах Эвермита, вздымались к небу шпили Башен Солнца и Луны. Теперь они исчезли, а вместе с ними и Высшие Маги Эвермита. Амларуил позволила себе на мгновение погрузиться о потере друзей, которыми она дорожила на протяжении веков.

Королева повернулась к своим советникам, которые в этот раз не могли говорить. Все они

знали, что это значит. Единственное, что могло разрушить Башни, - это еще один могущественный круг Высших Магов. А в наши дни ослабления могущества и угасания магии только на Эвермите можно было творить такое волшебство. Со всех сторон окруженные захватчиками, они, тем не менее, выстояли. Сокрушительным ударом, единственным, к которому они не были готовы, стало предательство изнутри.

Наконец Залтариш, древний писец королевы, дал трагедии свое отражение.

"Эвермит потерян, Ваше Величество", - прошептал он. "Пришли сумеречные времена для эльфов".

<http://tl.rulate.ru/book/124009/5207570>